

Олеся Мовсина

Ч

Е

В

О

Олеся Мовсина

Чево

*Текст предоставлен издательством
Чево : Повесть.: Геликон Плюс; Санкт-Петербург; 2013
ISBN 978-5-93682-879-9*

Аннотация

Это сказочка для взрослых и для некоторых взрослых детей. Это сказочка, где каждый чего-то ищет, как правило – незнамо чего. А найдет ли каждый, то, что искал – на совести двух человек: автора и читателя. Потому что эти сказочки почти ничем не отличаются от жизни.

Содержание

1	5
2	10
3	16
4	23
5	28
6	32
7	35
8	38
9	42
10	45
11	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Олеся Мовсина

Чево

©Мовсина О., текст, 2013.

©«Геликон Плюс», макет, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1

Начну как всегда за здоровье, а там – видно будет. Одним словом, жили-были. (Впрочем, это уже двумя.)

Жили некогда некие брат и сестра (по фамилии Сиблин-ги). А жили они друг с другом, и была у них престарелая ма-тушка, очаровательная старушка. И эта почтенная дама по-хоронила недавно своего возлюбленного брата.

Во время оно родились у них в семье близнецы – мальчик и девочка, и здесь уже берет свое начало история.

Она, конечно же, – золотоволосый хворобушек, прозрач-но взирающий на мир из-под стекол очков, он – вкуснечик, наскоком и жадно обожающий жизнь под любым соусом. (Кстати, святое семейство отличалось скромностью и пат-риотизмом вкуса, и луковый суп здесь подавался исключи-тельно с бородинским хлебом.) Любили друг друга близнецы приблизительно как сорок тысяч братьев и сорок тысяч се-стер. Мальчика звали в миру Адамович, девочку – Евовичь, соответственно.

В то утро бабушка сказала, намазывая на булку печеноч-ный паштет «Судьба Прометея»:

С тех пор, как мы поселились в этом доме, ко мне каждую ночь приходит мой мертвый брат. Наверное, он живет здесь где-то неподалеку.

Она говорила это каждое утро, и это пока всё, что мы о ней знаем.

У матушки Адамовича и Евовичи был на стороне особый интерес. В другом городе, равно как и у батюшки ихнего был интерес, не менее особый, там же. Интересы приходились друг другу не то братом и сестрой, не то мужем и женой, и все четыре пары не знали о существовании остальных.

Примерно раз в месяц, в субботу утром, матушка и батюшка наряжались и выходили из дому, взявшись за руки. Они покупали два билета на поезд, садились в один вагон, выходили на одной станции, а потом, поцеловавшись, расходились в разные стороны. Она – якобы навестить свою прежнюю учительницу музыки, он – якобы посетить планетарий или зоопарк. Тогда как назавтра, воскресным полдником оба стояли они на платформе под белым циферблатом, мысленно улыбаясь и пуская воздушные шары-поцелуи.

Уезжая, батюшка и матушка наказывали Адамовичу и Евовичи: не ходите, мол, гулять с Жучкой на площадку перед клубом собаководов и к тридцать третьему дому, а в парк ходите и к дому культуры – тоже. Жучкой была любимица вышеозначенной семьи, милейшая дворняга, оспаниеленная в каком-то десятом колене. А в тридцать третьем доме жил сумрачный ротвейлер, мнивший себя не четой не только Жучке, но и всему белому свету.

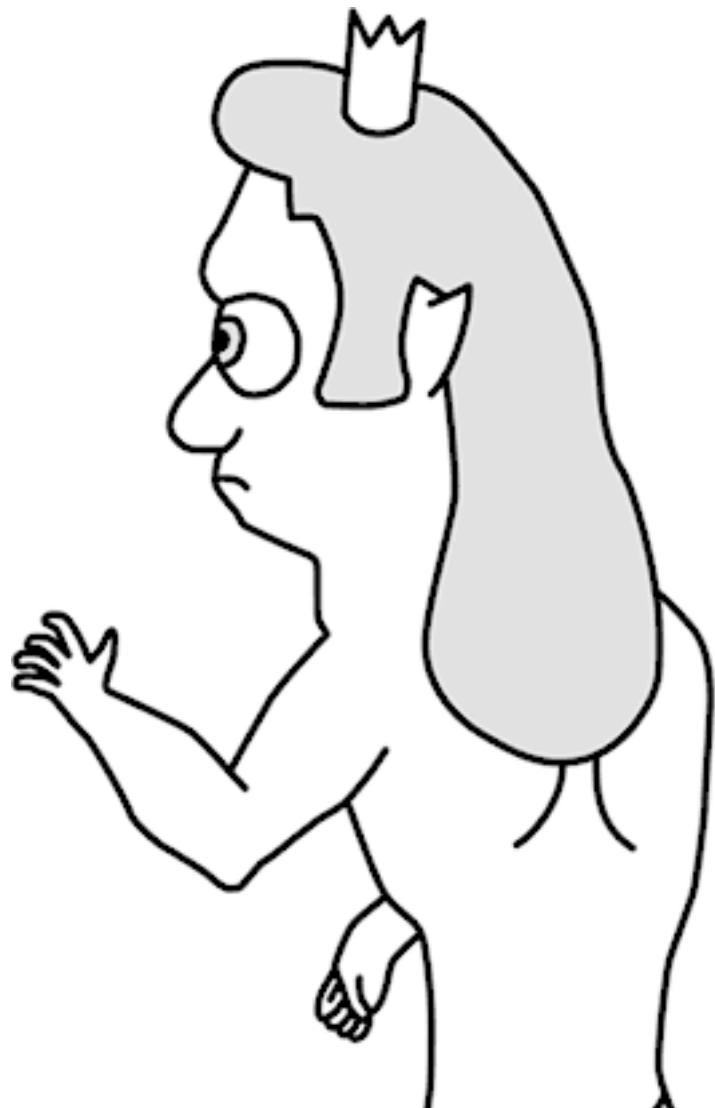
Пуще же всего наказывали родители Адамовичу и Евовичи беречь и защищать от жизненных невзгод друг друга и

свою ненормальную бабушку. Последняя как раз в этот момент защищала докторскую.

Адамович, подай маме зонтик!

Что ты говоришь? Ах, да, старушка в этот момент защищала докторскую колбасу от Жучкиных посягательств. Да, а еще родители обещали за примерное поведение привезти детям печатного (или мятного?) пряника. Видимо, в том городе, куда они собирались, эти пряники как раз и печатали (или мяли).

Как только закрылась за родителями дверь, близнецы нарядились красной девицей и добрым молодцем и побежали гулять с Жучкой. Путь их лежал далеко-далеко, путь их лежал через собаководческую площадку.

Мальчика звали в миру Адамович

2

(Не вздумай начать с начала: детство, отрочество, юность, выстроенные в линейку, уже пахнут дурновкусием, бог с ними, пускай сами ищут себе место под солнцем. Хотя можно поставить здесь дату рождения, но потом не забудь (при последней редакции) – не забудь перемешать карты рукою прилежного шулера (школьника?), дабы оставить после себя приличный случаю ахрологизм.)

(Эти лукавые скобки – я для себя, и читателю – если только по секрету.)

(А для читателя другие скобки. Приготовьтесь, мой дорогой, покачаться со мной на качелях – из балаганчика в печаль и обратно. Не пугайтесь, если закружится голова и язык зашипет от слишком терпкого концентрата: я всегда рядом, я держу вас за руку, если что. И всегда подам стакан холодной воды.)

А вот и дата рождения моего героя: 19...

(Хорошо, начало положено, теперь можно и по существу.)

Женщина, казалось, попала на эту улицу впервые. Здесь был и ветер, и голуби, насмерть стоящие против ветра. Одно было противоестественно: здесь не было номеров. Почему-то дома раз и навсегда устыдились своей индивидуальности и отказались от имен собственных. Мучимая желанием найти объект и помня инструкцию не обращаться ни к кому

из посторонних, благородная дама ощутила давно забытый привкус замешательства. Наконец она решительно потыкала пальцем в черный телефон, прося помощи у кого-нибудь из своих. И через минуту два новеньких красных автомобиля ворвались на улицу с разных сторон. Они встретились, слегка притормозили возле уродливой пятиэтажки и разъехались. А дама, ничем не выразив своей причастности к поданному знаку, докурила и медленно направилась к парадной.

Черт, условный звонок! Но женщина? – он не ожидал. Впрочем, у посетительницы был вид особы, которая красит губы чаще, чем целует ребенка. Да и потом она произнесла. Он ответил. По инструкции проводил ее на кухню.

Марк Матвеев? – уточнила дама и крепко выложила на стол конверт.

Сомнений быть не могло: это оно.

Марк задумался, не предложить ли чаю, и за те восемь минут, что они оба пилились в свои стаканы, весны не наступило. Лишь проходя вдоль зеркального коридора, она сдалась – улыбнулась своей прическе. И тут же сурово и прямолинейно вышла из поля зрения Марковой жизни.

Когда догорело письмо, он стал собирать свои вещи.

Спустя три дня (спустив эти три дня с верхней полки поезда) женщина явилась еще в один дом. Может быть, это была другая женщина, но столь же сильно смахивающая на неумо-

лимую богиню судьбы, как и та. Задача у этой, правда, была посложнее: исполнительнице предстояло сообщить матери о гибели сына.

Вот как это было, и что из этого вышло.

Бодро шел 2000-й год, корреспондент какого-то телеканала бодро нес пасхальную околесицу. Рапортуя с площади столицы, он объяснял телодвижения и конкурсы, происходившие за его спиной, инсценировкой великих событий, свершившихся «ровно две тысячи лет назад» (интересно, что имелось в виду?). Потом жертва журфака пообещала народонаселению отпущение грехов, в особенности за несоблюдение поста. Специально для наших телезрителей...

Ольга Адамовна рассмеялась, поскольку была остро умной (вниманию наборщиков и корректоров!), хоть и пожилой, одичавшей от одиночества женщиной.

Забавные мелочи дня виньеткой легли вокруг черной дыры, а все последующие годы так и сползли в эту дыру, один за другим. Она задумалась на секунду: белое или желтое полотенце взять из опрятной стопки; белое лежало сверху, а желтое было мысленно ближе.

Когда незнакомка приходит и предлагает хозяйке сесть, пощады не жди. А то был особенный случай.

Впрочем, гостя не стала утруждать себя поиском слов. В конверте лежало свидетельство о смерти и письмо от начальника с предупреждением о том, что не только опознавать, но и хоронить, собственно говоря, – нечего, что чело-

век, как говорится, сгорел на службе, и что вечная память, а страна его не забудет. Стоит ли говорить (ах, какой вкусный штамп!), что, подорвавшись на mine письма, Ольга Адамовна не смогла догнать посланницу ада и – расспросить? Стоит ли говорить, что поездка в город, где Марк жил последние несколько лет, поиски его начальства, сослуживцев или хотя бы квартирной хозяйки – поразили нулевым результатом? Стоит ли говорить, что до последнего вздоха старушка Матвеева так и не смогла поверить тому письму и тому свидетельству и, уходя в мир иной, надеялась не встретить там сына еще какое-то время? Стоит. Говорю.

Но мы пригласили Ольгу Адамовну в наш роман не только для. В некоторые моменты своей жизни она вела записи, да, что-то вроде дневника, а это всегда очень полезно для авторов, раскручивающих хоровод персонажей вокруг елоч-ки сюжета. Так вот же чуть позже мы расскажем, что почувствовал наш герой Марк, разбирая, читая эти тетради, некогда исписанные, как говорится, сгоревшей на службе – его матушкой.

(Так, что у нас теперь? Пассаж о механическом продолжении воли? Или всё о любви? Ведь кисейные платья русской литературной традиции давно уже мнутя у порога. Что ж, запускай!)

Оставалась Грушенька – наименьшее из зол после того, что он сделал с матерью. И всё же Марку хотелось вспомнить

ее всю по порядку, от первого насмешливого «Да ты, братец, снайпер», – когда он мазнул окурком над урной и мимо, до...

Простые человеческие отношения. Мужчина и женщина. Ощущения, стоящие в русскоязычном словаре где-то между воспоминанием и восторгом, между горячностью и горем (наоборот). Впрочем, чушь – ничего такого между ними не было и нет.

Из всех возможных способов – навсегда оформить разлуку – Марк выбрал единственно благородный. Ничего не объяснять, комедию оставить нищим духом, а просто исчезнуть, отказать ей (мгновенно и задним числом), отказать ей в своем существовании. Общих знакомых у них нет, искать она его не будет, да и бесполезно. Обиженно хрустнут худые неровные пальцы, с тусклым блеском на том из них, чьего имени никто не знает – не золотое супружье колечко, а латунное какое-то, вдовье. И не пойдет она в гости в этот вечер, но и топиться тоже не пойдет: при всей своей эксцентричности Грушенька – дитя благоразумия, он знал это. Знал также: всё, что ей будет больно, сможет она обратить во благо себе и людям. Не только из упрямства, но и из великодушия тоже. (Во время чтения этого абзаца потихоньку начинает пробиваться сквозь сознание таривердиевская «Боль моя, ты покинь меня», осторожно кивая на Штирлица.)

(А вот теперь можно и о железной помощи живым.)

Марк понимал: еще не поздно вернуться. Лишь несколько часов продлится это состояние, когда еще не поздно вер-

нуться. С тех самых молодых ногтей, которые ему – сонному и двухнедельному – впервые обрезала матушка, – он шел к нынешнему дню. И все же эти несколько часов до поезда почему-то превратились для него в возможность новой жизни, они соблазняли его родиться заново. Память то и дело подсовывала под ногти хвоинки: коричневое пальто крупной клетки, заснеженную скамейку, вид на пустырь со строительного крана, где их запер озлобленный сторож. Облако пыли, осевшее на картавых вывесках, мамин зонтик, метко и смешно угодивший в щель – под перрон.

Не таким уж линейным был путь Марка к этому дню. И случайные дорожные встречи, и вокзальные рестораны, и вынужденные остановки значили для него не так уж мало. Едва ли не больше самой цели. И вот теперь он должен умереть. Никто не оценит его жертвы.

Своего акмэ искушенище достигло в метробе. По правую руку ветка росла и тянулась к одному вокзалу, по левую – к другому. Марк понял, что если первой подойдет та электричка... Они ворвались одновременно, и обе насмешливо разжали зубы. Мысленно зажмутив глаза и уши (а на вид очень даже прилично), он – шагнул. Нечеловечески грубая, холодная сила закрыла, дернула, потащила его. А он ей – спасибо, и смеялся облегченно, как во сне и как ребенок, теперь я свободен. И тут же стал снова серьезен и спокоен, как полагает.

Первая, кого они встретили на своем пути, была Киса Каруселькина. В коридоре цветущих берез она стояла – совсем инфантильно, вся похожая на детский стишок, и плакала. И точно, на вопрос близнецов о случившемся, Киса заявила, что де у нее большое горе, состоящее в неспособности купить или украсть кило сосисок – по причине преследования злыми людьми. Адамович и Евовичь закивали, обещая, конечно, помочь. Жучка было рыпнулась возразить, что, мол, воровать – это грех, но, во-первых, она оказалась глухонемой от рождения, а во-вторых, Киса была голодна. Так что вопрос о нравственных аспектах операции отпал (отвалился, как одуревшая от крови пиявка).

Мимо них проследовал дворник, он направлялся к ближайшему орешнику за новою метлой. Адамович, Евовичь, Киса и Жучка бросились к опустевшей дворницкой (что собой представляет дворницкая, никто толком не знал) – разбирать инструмент. Кому досталась лопата, кому – лом, кому – старая метла, а Жучке – только вонючая телогрейка. И тем не менее дело пошло в гору: друзья принялись рыть подкоп под гастрономов склад.

Такою им и запомнилась Киса Каруселькина, когда они вылезали из туннеля обратно, отряхивая с одежды остат-

ки почвы, печенья и мышиного помета: глаза сверкают, а из отверстия в земле тянется нескончаемый сосисочный поезд, исчезая в отверстии Кисино рта. И только в перерывах между вагончиками она успевает бормотать как стукнутая мешком: «Нежные – молочные, восхитительные – классические, неповторимые – сливочные, изысканный вкус – пикантных, устойчивый аромат – старорусских, ням-ням-ням...» Затем со следами счастья и муки обжорства на лице Киса выдыхает: «Не кантовать», – и быстро падает на спину.

Почесав, как положено, затылки, наши жалостливые близнецы аккуратно ее приподняли и сложили на скамеечку в ближайшем сквере (там она и осталась до лучших времен), а сами побежали дальше – выгуливать Жучку.

Следующим номером была Ладушка, Лада. Сидя на краю клумбы, она вожаденно ковыряла в носу и ругалась по-черному не только про себя, но и про весь белый свет. Адамович и Евовичь от этого даже покраснели (а Жучка, может быть, тоже, но под пестрой шерстью этого никто не заметил). Справившись со стыдом, прекратив это купание красного меня, благодети предложили Ладе свою бескорыстную помощь.

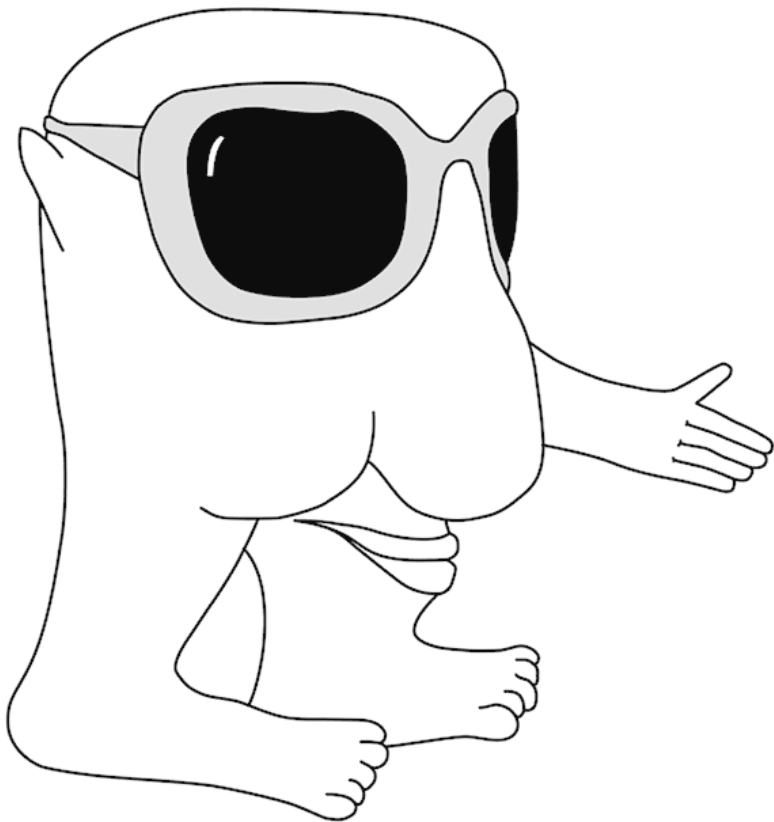
– Идемте, – с готовностью откликнулась та, вытирая пальцы о клумбу.

И вот что оказалось: некие так называемые бабушки прознали, что Лада в свободное от работы время гонит у себя в квартире отличную брагу. Бабушки, не будь дурами, при-

кинулись нуждающимися – кто в щепотке соли, кто в мотке ниток, кто в добром совете – и все ломанулись к Ладе в гости. Слово за слово, дело задело, дошло и до бражки. Всю кашу, что была в доме, они уже съели, а вот бражка не кончается, да и бабушек теперь не прогнать.

Когда наши (конечно же, наши!) герои вошли, живописная компания ни на секунду не уронила интеллектуальной беседы. Бабушка-с-куриным-лицом, повизгивая, стучала по пальцам своей серой тряпкоподобной товарке: «А ты картофельну воду, картофельну воду, картофельну воду пьешь? Мне очень помогает!»

«А мне зять и говорит, а я – ему», – убеждала тряпкоподобная следующую бабушку, у которой глаза под очками были увеличены примерно вчетверо. Глазастая же, в свою очередь, мечтательно и упоенно мычала: «Нонче Паска, Нонче Паска», разбивая впечатление замкнутости-по-кругу беседы.

Следующим номером была Ладушка, Лада.

«Нда, а вы яичками-то запаслись, яичками запаслись? Запаслись? А то все раскупают, раскупают», – причмокивала бородавчатая Баба Яга, разливая очередную порцию бражки. А пятая и шестая бабушки наяривали под столом якобы

втайне от всех в русскую народную игру, именуемую, кажется, ladushky.

«Интересно, почему они любят повторять одно и то же слово по нескольку раз?» – мелькнуло в голове у Евовичи, когда вошедшая последней Жучка обнаружила себя лаем заправского вышибалы.

Что тут поднялось! Бабушки шустро похватили свои стаканы (словно только и ждали сигнала) и, картинно (словно в угоду красавцу-режиссеру) роняя шпильки, очки и вязания, начали давиться к открытому окну. Хрустнула чья-то клюка, замяукала отдавленная нога, но – одна за другой – бабушки попрыгали за окно довольно благополучно и самостоятельно.

(Первый этаж? Первый, первый, то бишь, пока – без кровопролитий и жертв.)

Лада горячо благодарила. Правда, бражки уже не осталось, да и стаканов, впрочем, тоже, но благовоспитанные дети все равно бы отказались, скромно поджав или вытянув трубочкой – губы.

С третьим персонажем была и вовсе умора. Им оказался не кто иной, как всем известный забулдыга Чижик со смешной польской, не то чешской фамилией Пыжик. Судя по его мутному, слегка испуганному взору, с этим тоже стряслась беда. Он тыкался носом в оставленную кем-то на лавочке книгу про Комбинзона Конфуза, пытаясь найти в ней ответ

на вопрос.

— Кажется, я потерялся, — молвил он, чуть не плача, — кажется, я перебрал этой самой водки. Помню, как выпил рюмку, выпил две, а потом вдруг всё потемнело, зашумело и...

— А нам папа говорил, что ты пьешь только воду из Фонтанки, а про водку сочинили нехорошие дяди, — с провокационным изяществом присела в книксене Евовичь.

— Что, из Фонтанки?! Вот оно, слово найдено! — закричал Чижи́к. — Так я ж живу на Фонтанке, а я и забыл, всё забыл, потерялся!

— Вообще-то, Фонтанка — это очень далеко отсюда, — одернул Адамович сестру, явно намылившуюся помочь этому бедолаге.

Чижи́к ударился сначала в слезы, а потом, когда это не помогло, — в грязь лицом. Пришлось его утешать.

— А может, меня опять украли? — вкрадчиво предположил он наконец. — Так бывало уже не раз. То друзья мои собутыльники попытались продать меня, бесчувственного — даже не за понюшку табаку, а просто так, ради смеха. То сумасшедшая старая дева, торгующая гербалайфом, возомнила искоренить меня как символ нетрезвого образа жизни. А однажды я даже был замешан в шпионский скандал.

Но тут Чижи́к осекся, видно, подумал: а не сболтнул ли я чего-нибудь лишнего?

Никто из них не знал, ходят ли до Фонтанки поезда, летают ли самолеты. Решено было отправить Чижи́ка заказной

бандеролью, на что он сам с радостью согласился.

– Спасибо, братцы, век не забуду вашей доброты, – пищал он отрезвело, пока его закручивали в несколько слоев плотной бумаги, заклеивали скотчем и проделывали в получившемся свертке дырочки для дыхания.

«Фонтанка», – написал Адамович в графе «куда». Потом подумал и добавил в графу «кому»: «Чижик Пыжику». И так объяснил сестре:

– Может, почтальон и не знает, где такое Фонтанка, но где живет Чижик Пыжик, он знать обязан.

Евовичь кратко кивнула, и они побежали дальше – прижучивать Гулю.

А вот дата рождения второго моего героя: 19... Ему тоже пришлось стать инициатором разрыва с любимым человеком. Но, как это принято, – всё по порядку.

Был теплый вечер накануне похмелья. Матвей в угоду стародоброрусской традиции философствовал с приятелем в кабаке. Подобно анекдотному Чапаеву, с помощью наглядных пособий планировавшему наступление, Матвей ворочал абстрактными понятиями, возя по столу стаканы, вилку и одно треснувшее блюдо (приятель его не закусывал). Справедливости ради (только ради нее!) добавим, что философия Матвея не была дочерью зеленого змия, то есть, и в трезвом состоянии он размышлял регулярно и столь же сложно-отвлеченно, как ныне. Товарищ его по прозвищу Платочек (жалкий остаток уважительного Платончика, наследства первого курса философского факультета) едва поспевал за мыслью коллеги. И то правда, мысли этой становилось всё просторней, а словам, следовательно, – всё теснее. Первая уже неслась во всю скачъ, последние же наступали друг другу на лицо.

Еще пивком полирнем – и на воздух, – предложил Платочек слегка раздраженно.

Когда пиво, налитое слабой рукой, стало эманировать из кружки, Матвей невольно отдернул ладонь. То, что было

сейчас Абсолютом (ладно, пускай по-твоему, Божественной субстанцией) или испачканным блюдцем – упало из-под локтя на пол.

Вот те на!

Так-то ты свергаешь своих идолов?

А из-под прилавка к ним уже вынырнул серенький человечек с квитанцией наготове:

Сквитаемся, господа, – (полагая, что «господа» – высшее проявление иронии).

Господин Матвей Марков привычным жестом сунул человечку десятку, говоря и всё больше дуря:

Я не суеверен, ты не подумай, и не склонен к восприятию слезливых метафор, которыми потчует нас случай, но меня всегда беспокоил пример Кьеркегора, ставшего великим мыслителем из-за того, что его батюшка некогда поссорился с Богом.

Писанная от руки квитанция почему-то гласила (голосила): «За разбитую пару посуды (чашка с блюдцем) уплачено 10 рублей».

Кажется, наша метафора разрастается и начинает жить независимо от нас, – Матвей с отвращением сунулся в теплую пивную пену.

Э, нет, братец, шалишь, счас они у меня такую пару увидят! – Платочек, подходя к стойке, вынул из кармана и натянул на лицо овечью маску. – Пжалуста, чай без лимона!

Потом, задумавшись на секунду: выпить чай, вылить

или – прям так – хлопнул чашкой вместе с содержимым об пол.

Когда его выволакивали на свежий воздух, он размахивал смятой квитанцией и – очень довольный своей шуткой, рычал и смеялся:

Оплачено!

Да, разного рода критики и преподаватели, заправские ловцы скрытых смыслов, уже, наверное, нашарили кой-какую опору и с надеждой смотрят вперед или оглядываются по сторонам, пока наши герои (Матвей с Платочком) спускаются по эскалатору в метро. Они озираются в поисках Ивана и Луки. Ну на, держи ее скорей! Уговорили. Вон тот круглощекий милиционер, чье метрошное дежурство закончится с минуты на минуту, – Ваня, Иван Петрович. С Лукой немного сложнее. Хотя, впрочем, вот этот старче, подсчитывающий пятаки за свою убогую игру на губной гармонике, – нехай будет Лука.

Мария? Нет, ее зовут Фенечка, просто Фенечка – не то имя, не то прозвище, а впрочем, тоже не без скрытых дополнительных смыслов.

Высокая и сутулая, увешанная всякой хипповской ерундой, она показалась пьяному Матвееву взгляду странной и некрасивой. Его остановило и слегка ударило, во-первых, то, что она ждала последнего поезда совсем одна на всей платформе, но нет, не это. Она читала его книгу, книгу рассказов, выпущенную полгода назад тиражом 200 экземпляров и

гупо затерявшуюся в толпе заносчивых бестселлеров.

Сам себе удивляясь (ибо – не любитель эффектных сцен), он нашарил в кармане ручку и подошел к барышне:

Не желаете ли автограф, дитя мое?

Осел! Какой неестественный покровительственный тон! Но ведь он всё еще думал расписаться и тут же сесть в противоположный поезд!

От неожиданности она посмотрела на него не таким долгим взглядом, как положено в романах (эх, ты!), и серьезно спросила:

А вы автор?

Он заметил, что она слегка косит левым глазом, и это его почему-то отрезвило.

Извините, так гупо у меня получилось, но я очень редко вижу живых читателей... своих читателей.

Матвей вытер пот и, скомкав, сунул носовой платочек в карман и ручку тоже.

Да, действительно гупо, – улыбнулась она уже в вагоне. – Тем более что на этом экземпляре уже стоит ваша подпись.

Чудовищное совпадение! Книгу дала ей почитать подруга, Матвеева согруппница Ира, буквально выклянчившая тогда у него этот автограф.

Он повис (на поручне?) на желании спросить, как ей нравятся, потом – взглядом – на ее бусах – и снова удержался. Выручила она, позаботившись, не на следующей ли ему? Он покачал головой.

Жаль, а то бы я вам рассказала...

– Мне не на следующей, мне вообще нужно было в другую сторону, но я...

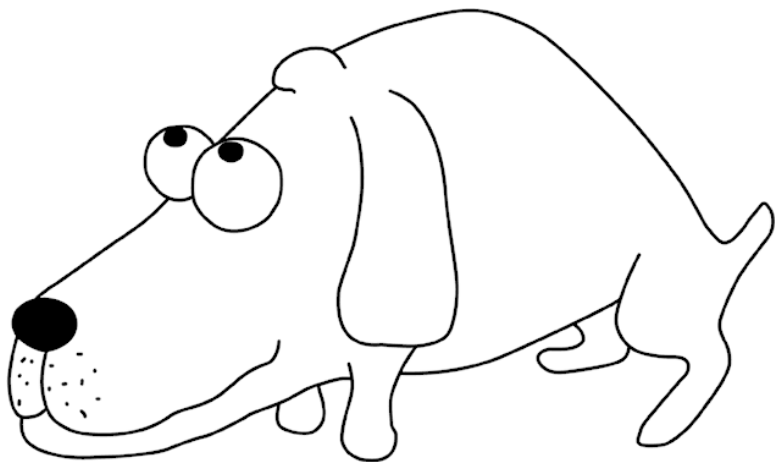
Вот так и получилось, что он пошел ее провожать.

В десяти метрах от желанной площадки Жучка встрепенулась. Близнецы поняли, что она должна засвидетельствовать почтение, и не стали ей мешать. Это был обряд своего рода. У забора под кустом бузины более или менее беспорядочно толпились собаки всех мастей, ростов и возрастов, преимущественно беспородные. Толпились они вокруг коротконогого ушастого существа, строго восседавшего на складном стульчике. Существо было бы похоже на некоего собачьего царька, если бы вообще было похоже на собаку. Но нет, четвероногие плебеи подходили и подавали ему лапу совершенно бескорыстно. Что, собственно, Жучка проделала тож. Существо плавно посмотрело Жучке в глаза и что-то пометило в своей записничке. А все сделали вид, что ничего не заметили.

На площадке былолюдно и собашно. Интересно, хоть когда-нибудь наука объяснит феномен паразитного сходства внешности собак и их хозяев? Потому что уже пора. Всех гулявших вразнобой животных и слонявшихся поблизости людей можно было с легкостью распределить по парам: собака-хозяин, чем наши маленькие герои моментально начали развлекаться.

Старику-лесовику, седому заросшему колли явно принад-

лежал потасканный хиппан с невероятным рубильником, рыжая школьница с рыбьими глазами относилась к пуделеобразной скакливой бестолочи, а сытая тетя божий одуван досталась безобидному шарпею. Причем последние явно покупали одну на двоих краску для волос. Затруднение вызвал хитрый старикашка с роскошной щеткой усов, мы не успели идентифицировать его партнера, как вдруг раздался нарушающий идиллию лай.

Жучка виновато насупилась

Лаяла пара, не представлявшая для Адамовича и Евовичи угадывательного интереса (то бишь заранее связанная поводком): мясистая старушенция из армии Ладиных визитеров и долготелый бассет (настоящая парковая скамейка).

А лаяли они о том, что, мол, площадка перед клубом собаководов – это площадка перед клубом собаководов, а не проходной двор какой-нибудь, и что собакам сомнительного происхождения положено гулять в проходном дворе, а не на площадке перед клубом собаководов. Короче, Жучка не выдержала и огрызнулась (дурында, могла бы еще немного попритворяться глухой). Не так-то просто разозлить бассета, но тут случилось невероятное: пятнистое грозное тело двинулось в сторону Жучки. Та изогнулась и ярко брызнула наутек.

Торпеду, набравшую скорость, не остановить – хозяйка повлеклась на буксире, беспомощно перебирая ногами. И было достаточно одного боребрика (sic!) на пути, чтобы горизонталь в ее глазах сделалась вертикалью, дальше бабуля поехала уже на животе, судорожно сжимая поводок и цепляясь зубами за траву. И только когда снова выехали на асфальт, собаководша вспомнила о своих руках и стала тормозить одной из них. Жучка улепетывала, визжала, испуганно дразнясь. Неизвестно, как долго бабассеты продолжали бы погоню, если бы из клуба собаководов не вышли и не крикнули бы: «Прекратить! Что за свинство!» Эти двое были: сумрачный ротвейлер в железной сеточке от укусов (он теперь не царь зверей, просто приседатель) и – Инфаркт Миокардович, он же хозяин Сумрачного, он же директор клуба, он же Кощей Бессмертный (он же – резидент иностранной разведки, но это выяснится позднее).

Он приказал «Пройдемте!» всем виновникам по(д)тасовки. Ими, по его мнению, оказались: пара бабассетов, Жучка и почему-то Евовичь. Адамович затеял вежливый спор, Евовичь в страхе заломила руки: я без брата никуда, Жучка виновато насупилась (где только она суп нашла в таких экстремальных условиях?).

– Девочка, не оказывай сопротивления, – посоветовал Инфаркт Миокардович. (Не забыть добавить про его не то липкий, не то жирный взгляд.)

Тяжелые двери задвинулись за чуть-не-плачущими, и сумрачный ротвейлер сел на пороге сторожить.

Читателя надо любить, надо вовремя подавать ему обещанный стакан воды. Да-да, мой дорогой, сейчас будет лирическая пятиминутка.

С первой же встречи она одарила его желанием слушать звуки. В покачнувшемся воздухе он запомнил сырое ворчание города, и немудреный вензель ее голоса впечатался в ночь.

Эти первые проводы слегка затянулись, зацепились за провода – игрушечным парашютистом.

Слишком необыкновенной показалась Игрушенька Марку, и он ежился от опасения сказать что-то банальное, не из ее волшебного мира. Одна прядь волос, торчавшая горизонтально над ухом, не поддававшаяся расческе-завивке, чего стоила!

И говорили-то они не много, а если и – то совсем не так, как будто знали друг друга давно или всю жизнь шли к этому дню. Коварное непонимание болталось между ними – ее длинная до плеча серьга – и дразнило, и не давало расстаться.

– Всё-таки мне действительно пора, – наконец сказала она, слегка придушив фитиль своего очарования. В этот момент автобусы до ее дома как раз перестали ходить. Марк трезво вступил на дорогу и призывно махнул плывущим на-

встречу наглым авто. Из полутьмы выросла и замерла услужливо «Газель», но лишь только задвигая свою даму внутрь, Марк опознал в этой машине «Скорую». Грубо тронулись и задрезжали, бледные шторы вяло забили тревогу. Матерок шофера (вполне самодостаточный) спрятался за механическим голосом диспетчерши: рация выплевывала адреса, фамилии, заболевания.

Тебе не по себе? Тебе не по тебе? Тут еще эта луна клыкастая пыталась отодвинуть штору. Пятый, пятый, Костромская тридцать, квартира сорок два, сорок лет, сердце. Всем охота зарабатывать денежку. Восьмой, площадь Ленина, три, квартира два, Тараканова, гипертония. Дай спички. Шипение. Пятый, пятый? Первого слышит кто-нибудь? Шипение. Беременность тридцать восемь недель, обморок...

– Вы не хотите посетить всех этих больных? Мы, право, сами... – шепотом наклонилась Грушенька к санитару.

– Да не, мы уже, – и кивнул почему-то назад, к зашторенному чреву машины. И Марка пронзило, что после этого он тем более никогда не сможет встретиться с ней. Ибо нужно будет вспомнить эту отвратительную поездку и ее задохнувшееся ой, когда она сдуру сунула нос за кулисы.

А может, она сама всё это подстроила и разыграла, не в прямом смысле, конечно, а как-нибудь так, по-ведьмински? Ишь, рыжая, – и он упрямо молчал вплоть до последнего рукопожатия.

Здесь мой телефон, – невыразительно пробормотала она

и сунула ему в ладонь что-то вроде визитки. А это было уже совсем пошло. Он хотел разорвать не глядя, но, шагая вдоль мертвых улиц, передумал и увидел в синих судорогах фонаря, что держит абсолютно белый, абсолютно чистый кусочек картона.

Всё это он снова поймал (весь этот долгий абзац очеркнула ногтем ушибного месяца ночь), когда прыгал на черную насыпь из вагона притормозившего – по причине, известной только ему одному, – скорого поезда.

Впрочем, беспорядок тоже не помешает. Нарушим очередность, не то у елочки зарядит в глазах от такого однообразия в хороводе. (Предыстория героя?)

Когда еврейский папа Матвея женился на его русской маме, некоторые многочисленные родственники предсказывали даже конец света. Но всё обошлось. Больше других радовалась матушка Роза, предводительница клана, заявляя, что, дескать, у нее стало одним сыном меньше (и действительно, с тех пор они ни разу не встречались).

Илья Марков, читатель и мечтатель, с шизинкой в голове и с шилом в попе, не захотел меняться после женитьбы. Трудно понять, чем питались молодые супруги, известно лишь, что оба они долгое время нигде не работали: к кому-то ездили, ходили ходуном или еще куда-нибудь, в общем, пытались играть с реальностью в прятки. И в конце концов доигрались.

А детство Ильи было знаменательно тем, что он каким-то образом ухитрился проклясть бога. Не то чтобы жизнь была очень тяжелой, просто так получилось. Тосковал, наверное, сильно по идеалу, вычитав его из умных книг, хотел чуда внезапного от тоски, да и не получил. Тогда выбежал он из дому темным вечером на пустырь за гаражами и закричал в воздух.

Потом жалел, конечно, мучился.

Даже будучи взрослым и женатым вспоминал иногда тот страшный вечер, и сразу ровное течение жизни как-то некрасиво вывихивалось в его голове.

Наверное, года через два после разрыва с родительским домом, поехал, как говорится в сказках, Илья в лес. За новогодней елкой, с рюкзаком и на лыжах. А к обещанному времени не вернулся. Не вернулся и на следующий день. Жена его отказалась вступать в новый год одна, проревев всю ночь на неприбранной кухне, осталась в году старом, там, где была еще счастлива.

А дальше и вовсе пошла какая-то неразбериха. Милиция, розыск, душное ожидание и ни на миг не отпускающая тошнота. И только в апреле, когда сошел весь снег, в том числе и в лесах, ее, с пятимесячным стажем беременности, пригласили на опознание тела.

Врач выдвинул такую версию: разогнавшись на лыжне, Илья случайно наткнулся на лыжную палку, потерял сознание и беспомощно замерз, не приходя в себя.

Вещи были, конечно, его. Из рюкзака торчала облысевшая елка. Но то, что осталось от живого тела, то, что сохранилось под снегом до весны, жена Ильи решительно не признала. Поверх своего отвращения и горя она почувствовала удивление; мысль о том, что ее обманули, надолго поселилась внутри и лишь немного успокоилась рождением сына.

(На этом предысторию пока что закончим, потому что это,

в конце концов, не житие святого и не детские годы багрового внука.)

Что оставалось Адамовичу делать? А ничего ему делать не оставалось! Он попробовал кусать локоть – оказалось – это из другой поговорки, да и невкусно. Огляделся – зрительская массовка растекалась, отыграв свою роль. (Люди и звери разбились на пары и разошлись по домам.)

Один только Йошка остался стоять на площадке рядом с Адамовичем. Был этот Йошка племянником Инфаркта Миокардовича и руководителем школьного клуба «Кис-кис», обещавшего в ближайшем будущем сделаться городским кошководческим и составить конкуренцию собакам. Уже сейчас у этого шустрого мальчика был самый красивый в городе кот – все это знали. И вот теперь будущий хозяин будущей организации «Йошка & Ко» обратился к Адамовичу с выражением так называемого участия на сладкошачьем лице:

– Я всё видел. Это чудовищная несправедливость, ваша сестра ни в чем не виновата. Идемте, я помогу вам.

И почему-то, когда он говорил, слюна не вылетала у него из рта, а наоборот – залетала.

Адамович задумался над этим Йошкой. Есть люди, которые любят собак, и есть люди, которые любят кошек. Издавна те и другие враждуют между собой (незло). А есть люди, которые любят и собак, и кошек, но как-то чрезмерно. Сами

себя они считают добрейшими людьми на всем белом свете (и убеждают в этом некоторых наивных). Сие ложь: все зоолюбы более склонны к предательству и долгой обиде, чем остальные смертные, и они никогда не знают, о чем разговаривать с маленькими детьми.

У Адамовича, правда, не было причин не доверять Йошке, и он вяло последовал за внезапным другом.

Увидев мужчину в сером костюме, Адамович подумал. (Не слишком ли много размышлений подряд для одного Адамовича?) На мужчине в серой форме висела рация и неласковым голосом лаяла. И было похоже, что это человек – вслух, не раскрывая рта, думает.

Наверное, милиционеры – самые широкомыслящие люди, – все-таки подумал Адамович.

По коридору районного отделения и далее – в кабинет Йошка прошел как по своей квартире. И еще удивило Адамовича то, как быстро удалось Йошке состряпать необходимое заявление по форме, но рассуждать уже было поздно, да и бесполезно. Дядя в каких-то погонах, короче – дядя Берендей – позвонил в настольный колокольчик и сказал, преданно глядя в глаза Адамовичу:

– Нэ валнуйся, малчик, я пашлю своих самых отчаянных добрых молодцев, проста весь ментылитет нации; и они быстро расправятся с...

Он не успел договорить, и Адамович не успел спросить, какая нация имеется в виду. Вошли трое, вытаскивая раз-

бойничьи лица из-под фуражек:

– Белков, Жиров и Углеводов для выполнения специального задания прибыли.

Да, пожалуй, сейчас Сумрачному не поздоровится...

– Именем закона! – закричал Белков, дубася в железную дверь.

– Именем розы! – закричал Жиров. А Углеводов не закричал ничего, но почему-то подмигнул ротвейлеру, всё еще сидевшему на стреме.

Самоотверженный Адамович ринулся в щель приоткрывшейся двери, но был схвачен сзади чьими-то не менее железными руками. Головорезы впустились внутрь, а наш герой опять остался снаружи один. Даже Йошка куда-то убрался с поля его зрения (в пылу праведного гнева). И только тут медленным холодком на сердце стал доходить до Адамовича смысл преданного Берендеева взгляда. Нас предали!

Он бросился на шею Евовичи, которая шла по другую сторону наручников от Жирова. Связанную Жучку тащил Белков. Углеводов шел сзади и ухмылялся.

Куда вы их? Возьмите меня тоже! – Не положено! Инструкция.

На Евовичи прямо не было никакого лица, на Жучке, соответственно, – морды. Углеводов уже разворачивал решетчатый фургончик с хрюкламой детских подгузников на борту. Адамович долго-долго бежал за автомобилем и кричал

сестре и собачке, как он их любит, как он их спасет, а перед глазами его мотались веселые человечки в одноразовых бумажных трусиках, а в ушах звучал следующим кадром голос Инфаркта Миокардовича: «У вашей сестры были найдены секретные чертежи и фальшивые документы, теперь ей будет предъявлено обвинение в измене родине, или в шпионаже, что, впрочем, одно и то же».

Измощенный бегом и недоумением Адамович со всего размаху таки ударился в грязь лицом и зарыдал во весь голос.

Марк шел, дезориентируясь по звездам. В его чемодане лежало несколько вещей несколько странного свойства. Что-то похожее на детский конструктор или на художественно оформленную мышеловку. Бесплатный сыр прилагался, а также нога жареной птицы, дорожные шашки, паспорт и два носка. Прилагавшееся имело целью выдавать в нем рассеянного пассажира второго класса, отставшего от поезда. Впрочем, маскировка не пригодилась, и всё поименованное было заживо сожжено по прибытии на место.

Это был его первый поход на луну.

О несовершенстве мира уже не думалось, перестал раздражать своими преющими прелестями апрель, и вот за первым поворотом Кассиопеи обнаружились поляна и дом. На поляне в изобилии произрастали качели, жили деревянные лошадки и слоны. И если первые всего лишь смахивали на виселицы, то последние и вовсе неподарочно скалили зубы под лунным сиянием.

«Летний лагерь детского сада», – ухмыльнулась вывеска. Марк достал из чемодана конструктор-мышеловку и с ее помощью открыл, не стуча, дверь, как открывают свою собственную квартиру, некогда оставленную на съедение годам. Длинный коридор потянул его в себя вместе с дыханием сквозняка. В чуть живом свете двух ламп боковое зрение

отметило выставку детских рисунков.

И вот наконец они предстали друг перед другом. За оранжевой дверью, которую Марк открыл опять же ни в коем случае не стуча, сидел в кресле мелкий, страшненький человек – сидел с видом судьи, сатаны или вахтера. Навстречу он, однако, встал – настоящий мэтр с кепкой – и протянул руку. Марк молча вложил в нее содержимое своей. Человек в полсекунды сканировал взором странный предмет и немного оттаял.

– Ваша комната номер семь. Чемодан оставите здесь. Завтра вы будете владеть дальнейшей информацией, – голос его прозвучал отнюдь не инфернально, как можно было предположить, – подумалось Марку уже на пути к месту ночевки.

Работа Дома на поляне была налажена безукоризненно. Все обитатели занимались Своим Делом, но никогда не встречались друг с другом. И только товарищ Мэтр с кепкой да прислуживающий персонал – женщина, немая как сырая земля, – знали в лицо всех заложников летнего лагеря.

По утрам женщина приносила пищу и бежевый Конверт с информацией к размышлению. И с ней, глухонемой, и с хо-зяином позволено было общаться лишь невербальными знаками, начиная с простейших человеческих жестов, заканчивая – вполне осмысленными.

За всю историю бывало несколько случаев схождения (по мукам) с ума. Но и тогда никто не слышал ни бьющихся сте-

кол, ни ночного мотора. Каждому казалось, что в Доме на поляне живут всего лишь трое, каждому из двенадцати (двадцати четырех, ста сорока четырех). Приходящий в этот дом должен был пережить смерть, очистить свою память, равно как и память о себе. Если же кто-нибудь сомневался, забывался, а тем паче отказывался...

Никто из посторонних – боже упаси!

Впрочем, на лето сюда действительно привозили детей – пятерых сопливых даунят, и тогда женщина, обремененная новой бедой, переставала приносить ежедневную пищу.

Марк не сомневался и не вспоминал. Только однажды, сидя на полу камеры и оттачивая напильничком свои звериные рысьи зубы, он почувствовал, что существовал когда-то раньше. Словно кто-то пытался гаданием вызвать его образ на водной глади, словно умело разыгранный спиритический сеанс потянул его душу из душевной могилы.

– Он живой, – сказала кудрявая экстрасенша, возвращая Грушеньке фотографию, – но в плену. Он будет долго искать, но ты его уже вряд ли найдешь.

Марк стряхнул с себя наваждение и продолжил работу.

Этот паштет «Орлиная радость» оказался нечревоугоден, и нашей гастрономической бабушке пришлось волей-неволей обниматься с белым фаянсовым другом. Кто не испытывал дивного ощущения, когда всё содержимое тела рвется наружу через рот, через нос, через уши, а потом наступает временное облегчение и умирение души?

Уже само по себе пищевое отравление могло послужить дурной приметой (а по части народной приметологии бабушка однажды чуть Жучку не проглотила: чайник не ставь носиком на восток, зубную щетку мимо зеркала три раза не проноси, а уж если угораздило тебя поздороваться через порог, то присядь на одной ноге и прочитай в таком положении «Отче наш» тридцать три раза, ну и так далее).

Теперь вот о чем я: содержимое бабушкиного желудка легло на дно унитаза таким рисунком, что старушка мгновенно поняла: ее внуки-близнецы стрясли над собою беду.

Не долго думая, бабушка заговорила сама с собой, что она делала всегда в минуты бедствий. Вытащила свой старенький телевизор «Горе-зонд» на середину комнаты, включила его так, что он стал показывать три программы сразу, и заходила вокруг него, колдуя и приборматывая. И вот все три программы замигали, погасли и показали иные картинки: одна – растерянного вдоль улицы Адамовича, другая –

Евович, сидящую на полу камеры, а третья – Жучку, почему-то распятую на операционном столе.

И вдруг в дверь позвонили. Бабушка бросилась со всех своих (трех вместе с палочкой) ног – открывать. Эта худая рыжая девица никак не была связана (по мнению бабушки) с историей близнецов. Чего тебе, милая?

– Извините, но мне сказали, что вы... Говорят... одним словом, что вы можете ясновидеть. Не могли бы вы мне только одно... Сказать, жив этот вот человек на земле или...

Бабушка соображала несколько секунд, чего же от нее хотят, глядя косо в предлагаемое фото. Потом произнесла сухо (после отравления во рту всегда пустыня):

– Я потеряла внука, внучку и собаку Жучку. Я должна их найти. А несколько дел сразу я делать никак не могу. Извини. (То бишь не дала девушке хлебнуть солоно.)

Тут ее снова внезапно затошнило, и посетительнице пришлось мгновенно отпрыгивать назад, за недостижимый порог, дабы не запачкались фотография и платье. И еще в ту же секунду в комнате раздался маленький, но весьма тревожный взрыв. Это – когда бабушка доковыляла обратно, она увидела – сгорел от чрезмерного напряжения ее старенький телевизор, оставив ее безо всякой абсолютно связи с внешним (потусторонним миром).

Тем больше Матвей удивился, увидев ее. В прошлый раз, в первый раз, они расстались на пустом месте, потеряв друг к другу всякий интерес. Теперь она вынырнула из толпы журналистов и сказала:

– А я давно за тобой наблюдаю, – и потом приказала-вопросила, – пошли...

Он попал на эту встречу со знаменитой японской писательницей Охо случайно. Бездельничал внутри книжного магазина и вдруг заметил приятеля – уголочком стеклянных дверей – тот поднимался на третий этаж, к себе в издательство. Матвей побежал догонять его и тут оказался участником приема и пресс-конференции. Охо обнародовала себя в меру худенькой и не в меру улыбчивой дамочкой. Главная редакторша Эдита Выходная манерно выворачивала локти и вытягивала губы в сторону публики (это когда молчала), а когда говорила, ее чистый, розовый русский язык как-то не в меру обильно вываливался изо рта. Свою скуку Матвей пытался заморить мыслью об активном участии в культурной жизни города.

Когда из всех зрительских пальцев были высосаны все необходимые вопросы, а японку повезли куда-то дальше, банкетить, Олег наконец-то заговорил с Матвеем, расслабившись в курительном углу:

– Ну и намучился я сегодня с госпожой Охо: в аэропорту встретил, потом – в гостиницу, потом – в Союз писателей на одну встречу, теперь – сюда. А еще, – он закашлялся дымом-смехом, – мне родное издательство дало очень пикантное поручение. У нас, видишь, ремонт еще не закончили, а за сортир и вовсе не брались, он у нас – дай боже, хуже привокзального. Мне Эдита и говорит: «Сделай все что угодно, чтобы знаменитость в наш туалет не запросилась, пусть или до или после свои дела делает, только не в издательстве». Милое дело, говорю, я в Союзе писателей сам ей должен предложить: мадам, не желаете ли посетить писательские удобства? Я – к переводчице: Таня, выручай. В союзе всё шпионил за Охой, смотрю – удалились они с Танюхой, а я облегченно вздыхаю. Тут до нашей конторы два шага, авось, думаю, пронесет – встреча длится час, а там... Щас, представляешь, Охо встает из-за стола и опять с Танюхой шепчется, а Эдита меня испепеляет взглядом, как будто это я виноват, что у японки...

Вот тут и подошла Фенечка и сказала, не глядя на рассказчика: «А я давно за тобой наблюдаю. Пошли?»

– Значит, ты журналистка? – он теребил слова, не зная, что сказать, и, заказывая пиво, поведал ей только что услышанный курьез.

У Фенечки глаза были из тех, что радикально меняются в зависимости от освещения и цвета одежды. В прошлый раз

они казались ночными и темно-карими, теперь на ней было зеленое пончо и малахитовые серьги-висюлины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.